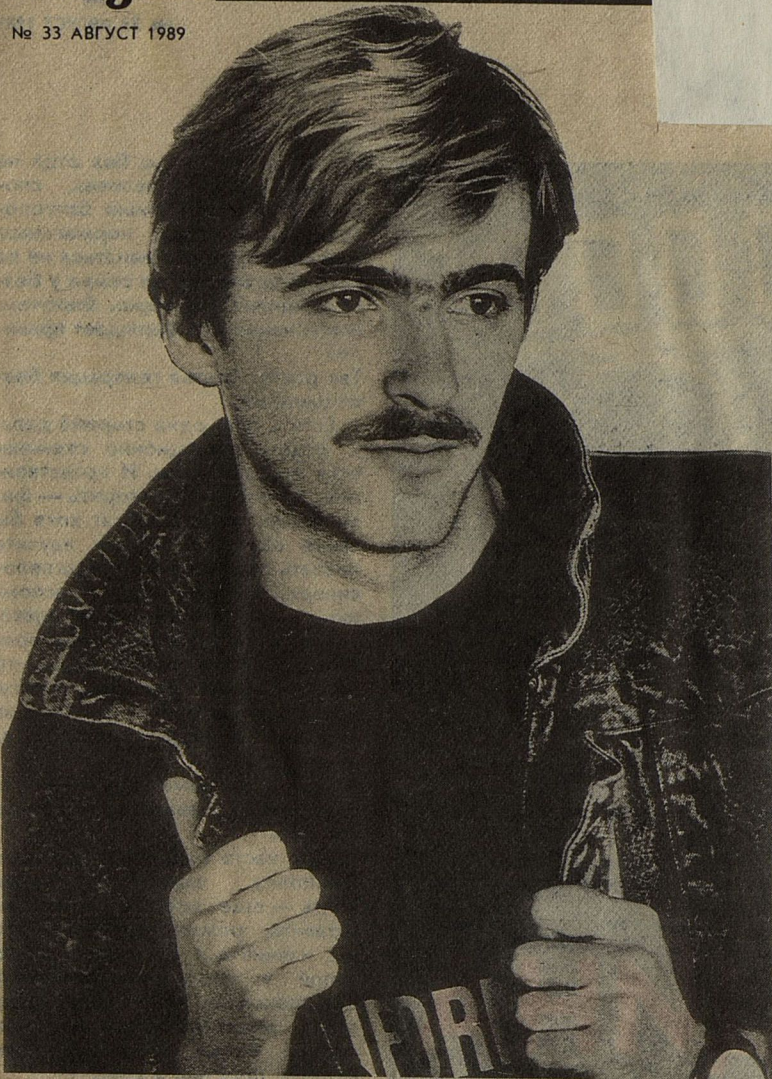

Говорят, в цивилизованных странах поэзия давно на корню вымерла. За ненадобностью. Какие там стихи, если ты сыт, доволен жизнью, отпуска на Гавайях проводишь!! А для поэзии страдания нужны, боль, неустрашенность — одним словом, Россия нужна, самое нынче подходящее для стихов место. Оттого-то поэты у нас и не переводятся, растут ряды их, и вот, например, Денис Новиков. Один из самых молодых и ангажированных: издан сборник стихов, немало было подборок в популярной прессе и принародных читок не только по стране, но и за пределами ее, в самом центре туманного Альбиона — в Кембридже. Короче, абсолютно ненормальная биография для двадцатидвухлетнего отечественного поэта.

Но я не о том, что молод, — это пройдет. И любитель анатомического театра социальных вскрытий и разоблачений от моих замечок вряд ли взбодрится. Молодежные проблемы глазами поэта? С хорошим поэтом такие любовные штуки не проходят. Ибо он всегда невпопад, не ко времени, мимо цели, и речь его темна. Так хитро поэтический хрусталик устроен — глобальных катаклизмов не заметит, зато из мухи наверняка слона выведет! Я в поэтический поток Дениса Новикова вступил, не ощутив разницы температур. Доброкачественный цинизм («здоровья осталось на несколько тысяч затяжек»), милая сердцу традиционность, без авангардистской взвеси:

Я не знаю стихов о любви
Совершенней, чем «Север

и Запад

Заслоняют колени твои,
Лишь желаннее ставшие за

год...» —

но главное, чувствую у него ту же кощунственную ностальгию, что с недавних пор меня мучит (оно и понятно — мы с Денисом почти ровесники). По тем самым, таким-сяким, обруганным да охаянным, бесславным да крошечным, «предреволюционным» — суть застойным годам. Не в том смысле, что вернуться тянет — вычеркивать жалко. А то пришли дяди какие-то, говорят — у вас вексель липовые! Выбросьте, забудьте думать, начнем сызнова, потому как ничего не было. Э-э, помилуйте, как же не было! Или трех правителей не отправляли при нас на лафетах в последний приют? И не было затяжных свинцовых дождей под Гератом и Джелалабадом! А БАМ, вель-

вет, «Малая земля», Штирлиц, магнитофон «Электроника», южнокорейский «Боинг», Макаревич, канцлер Шмидт, ОСВ-2, «Бони М», кроссовки «Адидас», загнутые ключики, первая советская «жевачка», исторический XXVI съезд КПСС!.. По дурной российской привычке выстраивать поколения хочется гикнуть: алло, сверстники! Двадцатилетние! Вы помните эти метки, отпечатки, или же, как Денис Новиков свой сборник назвал, — условные знаки! Вы есть или вас нет!!

...Теплый Стан; золотое сечение лета — июль; в киоске «Квас», построенном на руинах бывшей пивной, снова победно пенится пиво. Шахтеры отбастовались... В Сухуми сдано еще 174 единицы боевого оружия... Скоро «Макдональд» всю Москву накормит... Жизнь течет. Я сижу в гостях у Дениса, на диванчике, где, кажется, совсем недавно распевал свои замечательные баллады Саша Башлачев, «человек-праздник», на стене его фото, подписано: «Все будет хорошо». Полтора года, как его не стало. Клаустрофобия — боязнь замкнутых пространств. Врожденная болезнь детей семидесятих; вырваться, выломиться, пробиться на свет, разжать створки... У Новикова так: «Мы дирижабли взперти, как под водой на спор, не дышим».

— Похоже, всплываем! — спрашиваю. — Вот, разрешили Солженицына — и закончилась целая эпоха. Но мне хочется сказать — «конец прекрасной эпохи». Самиздат, ксероксы, книжки «из-за бугра», какие-то погони кругом мерещились, стукачи... Черная романтика!

— Я семидесятые краешком зацепил, рикошетом, но, кажется, там и остался, — соглашается. Да, наверное, ты прав, Денис, наверное, «шестидесятники» — это последнее поколение, а дальше были отдельные люди, цепочка без сцепления... И все-таки как узнаваемо волокно тебя между катодом и анодом, между школой и армией. На военную подготовку демонстративно не ходил, учителя физики чуть не пришиб — стиль Солженицына ему, видите ли, корявым показался... В общем:

Обязательно будет истерика,
обязательно будет скандал,
звук — на полную, голос

из телека

для соседей бубнит по складам. А потом, перед выпускными экзаменами, были военные сборы в Таманской дивизии. Потолкались, ползали по танкам. За

Восьмая нота, или Несвоевременный портрет молодого московского поэта на фоне бывшего Брежневского района

неделю до экзаменов телефон: «Денис! Ты можешь в школу больше не приходить, мы тебя выгнали. Военрук написал докладную о том, как ты, ученик школы Брежневского (три !!! в голосе) района, вел антисоветскую агитацию с танка. Твои документы переданы в роно». Сказано — как в КГБ. Но чаша миновала, баянист школьный заступился... Отроческий пацифизм — это ведь тоже с нас начиналось, не так ли! Под Макаревича, под незабвенную «Битву с дураками». Не забыть: как-нибудь напишу трактат «Влияние творчества А. Макаревича на духовное становление восьмидесятников» или что-нибудь в этом роде...

— У меня стихи именно с Макаревича начались. Помню летний двор на Палихе, где я жил до Теплого Стана... Во дворе скверик, на лавочке парень поет под гитару «Солнечный остров» Макара. И вдруг — как током — этот солнечный двор, этот солнечный остров, все стало четким, ярким, как бы проступило, увеличилось...

— Встало на свои места! Обрело смысл!

— Да... И эта строчка — «нет райской птицы среди воронь» — показалась таким откровением... для моей восьмилетней души! И тогда я вознес молитву: «Господи, сделай так, чтобы я стал поэтом! Пусть не великим, не большим, а хоть обыкновенным. Ведь я только так смогу жить». Потому что в этой стране есть только язык. Кто-то сказал — очень точно: «Поэзия — это форма бытования»...

«Восьмая нота», — добавлю я. Незаконная, невозможная, она начала прослушиваться именно в самые мрачные, самые беспросветные времена. Да разве пресловутая загадочная русская душа — это не восьмая нота! Что нас спасет и сохранит в эпицентре бардака и упадка, если не она!! И Денис заслушался... Расцвел послешкольный «тусовочный» период. Да-да, и я, конечно, помню: Боб Гребенчиков бригадирствует на сборе цитрусовых где-то на югах, Цой принимает всех желающих погреться у труб в котельной «Камчатка». Развезды нон-стоп, какая-то халтура. Денис пристроился в детской редакции ЦТ ассистентом режиссера, сиречь — шестеркой.

— Тамашние режиссеры — они же все Феллини, все Бунюэли... Вот и мой шеф на съемках в парке Горького решил для правдоподобия запустить фонтан среди бела дня. Администрация ни в какую. Посылают меня — проявить деловые качества. Сунулся в каморку под фонтан — там угрюмые мужики в домино режутся. «Я с телевидения, — говорю, — фонтанчик бы... это...» Ноль внимания. Ладно, делаю другой заход: «Мужики, ща я вам по тридцатке на брата выпишу как за консультацию». Ожили. Достаяю квитанции, записываю адреса — хорошие, кстати, адреса: Горького, Калининский, Кутузовский... «А найди-то как тебя!» Не моргнув, даю домашний телефон режиссера. Все! Через пять минут фонтан бьет, я квитанции — в урну, а через пару месяцев вылетаю с работы...

А там уже командармы повести по душу нашего героя шлют. А то и на дом приходят — дабы в бесплатную школу жизни забрать. Вот так волею судеб пацифист и христианин Новиков оказался в «пятнарике» — психбольнице на «Каширской», в палате среди самых натуральных «имбе-

силов», где верховодил пахан — уголовник Генка. Попытался Денис в первый же день таблетки в сортир выплюнуть — медсестра засекла: баба, может, и не вредная, но не стучать не может. Вкатали укол сульфазина — есть такое нелечащее лекарство. От него лежишь два дня, умираешь, зато потом по струночке ходишь. К счастью, через два месяца его выписали с довольно спокойным диагнозом.

Ну что, как вам биография! Негероическая, непрописанная, невнятная! Вот если бы пылкую любовь приписать да как с голыми руками на застой ходил — тогда бы самый раз! Но я думаю: а почему, собственно, мы должны подгоняться под неизвестно кем придуманные габариты! Пронести жизнь свою под полой, контрабандой, подпирая естественнейшие поступки высоковольными идеями! Да и кто настоящий герой сегодня — тот, кто воевал в Афганистане, или тот, кто отказался туда пойти! И разве это так просто — оставаться сегодня самим собой, не правым, не левым, когда прямо-таки зудит в организме пролетарский ген — схватиться за бульжник!

Больные вопросы, куда от них не деться. Пусть даже фортуна начала раскручиваться: в 1985 году вышла первая подборка стихов в «Литературной России», дальше пошли рецензии, отклики маститых мастеров, и теперь уже Денис боится превратиться в эдакий аргумент: «а подать мне сюда молодого поэта!» — «а вот, пожалуйста, Денис Новиков».

Сейчас он учится на II курсе в Литинституте. Но — в Москве ли, на университетской сцене в Кембридже ли — что ответить, если припрут к стенке вопросом: «А ты, юнец, что тут делаешь — между настоящими героями!» Как объяснить? Что в шесть лет плевался в телевизор, когда там Брежнев появлялся! Разве это аргумент! А поэты, которые купно с Новиковым выступали под Лондоном, все признанные авангардисты и мастера: Сергей Гандлевский, Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, Михаил Айзенберг, Тимур Кибиров. Они составляют «Альманах» — блестящую гипотезу будущего театра поэтов (если, конечно, с наступлением изобилия поэзия у нас не отомрет). «Альманах» пригласили на перманентный фестиваль советского авангарда в Англии «Новостройка», и две недели кряду в залах собиралось по сто человек, слабознакомых с русским языком и слышавших о советских поэтах только, что все они — «жертвы КГБ», то есть очень страдающие люди. Ну для Запада все русские — немножко братья Карамазовы, а может, так оно и есть! В первый день подтянулись эмигранты, нежнейший Сева Новгородцев. Еще из дальней деревушки пешком пришла старушка, чтобы произнести несколько заученных в детстве русских слов. Засветло ушла восвояси. В основном же приходили из любопытства — как на инопланетня поглазеть.

Денису, надо сказать, повезло — ему посчастливилось ощутить переход из одного мира в другой в сжатые сроки. От тамошни до таможни. На одной — корректные англичане («сорри, эрл!») механическими движениями роботов разобрали до винтика и тут же собрали его «Шарп» в поисках подслушивающей аппаратуры.

А наши, естественно, первым делом потянулись к книжкам... Взгляд пал на Солженицына (дело было за месяц до его реабилитации), и среброкудрым полковником завел Новикова в специальную комнату, таможенную избу-читальню, так сказать. «Нет ли антисоветской литературы!» — «Конечно, нет...» — «А вот, например, Бердяев (екнуло сердце, Бердяева-то советским никак уже не назовешь) ...откуда вы знаете, что вам подсунили под обложкой Бердяева!» Какой головокружительный пассаж! Восьмая нота! Да что же еще круче Бердяева может быть! «Мурзилка!» В общем, конфисковали только Солженицына.

А ведь звонили же друзья из Москвы, спрашивали как бы в шутку: «Ну, ты, конечно, в Союз не вернешься!» Самая модная нынче тема. Чуть не каждый второй — потенциальный эмигрант. Но как, как можно сюда не возвращаться! К этому непредсказуемому таможеннику! К этому стаканчику, кем-то заботливо оставленному на лавочке в парке! К этим потрясающим щитам на платформе — «Жизнь — дорожке экономленной минуты!»

По статистике, спортсмены чаще всего умирают не от чрезмерных нагрузок, а напротив — от бездействия. Сердце покоя не выносит. И мы в наших выюжных широтах привыкли к таким испытаниям на прочность, к такому звенящему напряжению, что в любом другом месте будет и скучно, и глбо... Но как объяснить этот восторг и ужас от бесконечного пира во время чумы! Тут не логика, не математический расчет, а какой-то пустячок подсознательный. Но он-то все и перевешивает. Как это назвать! Может, поэзия! Которая не только стихи, но и странно устроенная жизнь, отличающая нас от всего остального мира! Не это ли имела в виду Н. Я. Мандельштам, когда говорила, что русский интеллигент — тот, кто любит и понимает поэзию!

Так что же, умилился, братия, родным нашим раздолбайством!! Опять на авось! Нет, никакого умиления у Дениса Новикова нет. Страх есть, да поострее, чем у нормального человека, то есть непозта («Я с детства боюсь, только страх свой все меньше скрываю»). Страх перед повсеместным разлитием жестокости и зла («Я удивляюсь, почему пока не убивают среди бела дня и на глазах у всех! Что удерживает! Когда я вижу, как идет милиционер, якобы улыбаясь и поигрывая дубинкой, но с такой незащищенностью в глазах, — я готов дать ему еще пару дубинок, только бы он, оказавшись рядом с преступлением, не отвернулся, не убежал»). Страх перед тем, как зреет в атмосфере звериный инстинкт — «Мочить! Кого угодно, без разбору, чтобы душу отвести!» («Бестолочь машет с плеча на ура, все норovit возвести баррикады»). Да и кому нынче неведомо ощущение надвигающегося на тебя с утробным воем тепловоза без машиниста! Но откуда оно, это ощущение! Не оттого ли, что мы ампутировали себе абсолютно все прошлое, вплоть до вчерашнего дня!..

Я благодарен Денису Новикову за то, что он документально доказывает достоверность, реальность прожитого и настоящего времени. За то, что отстаивает право тех, кому за двадцать, иметь свою историю, свои «условные знаки». За то, наконец, что в его стихах звучит чудесная восьмая нота. Ведь выброси ее — что останется! Семь нот, хрестоматийная гамма. А с ней, с этой нотой, — музыка...

Игорь Мартынов.